

А.М.Салмин

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ПАРТИИ: ВЫБОР ВЫБОРОВ

Партийная недостаточность. Властные институты, основанные на демократических принципах, существуют в России уже около полутора десятилетий. При этом в РФ до сих пор не может сформироваться отвечающая их логике партийная система, представляющая на большинстве, если не на всех, уровнях власти устойчивые сегменты общества, которые отличались бы от других подобных сегментов сходством или/и взаимодополняемостью преобладающих интересов, идеологий, мифов.

Некоторые из функций классических партий, в идеале соперничающих в борьбе за реальную власть, все эти годы выполняли в России две основные силы. Это «партия бывшей власти», в так называемом «медийном пространстве» олицетворяемая чаще всего, хотя далеко не исключительно, КППРФ. Это также «партия нынешней власти», всякий раз под различными именами («Выбор России», «Наш дом – Россия», «Единство», «Единая Россия»), плюс неизбежные союзники и попутчики) создававшаяся правящей бюрократией в качестве своего «интерфейса» на выборах и в парламенте. Наряду с ними в политическом пространстве был представлен маргинально-протестный сегмент (главным образом – в лице ЛДПР), а также причудливые сочетания политических клубов с фрагментами государственной бюрократии – плоды былых, более или менее скоротечных, романов с властью или с ее призраком.

Можно дать несколько объяснений неудаче с формированием в России жизнеспособной системы сменяющих друг друга у власти партий.

Во-первых, и это «фоновый» фактор, в начале XXI века вопрос о перспективах создания массовых электоральных партий на практически пустом месте в принципе является весьма непростым.. Образование таких партий – явление, органичное для совсем другой эпохи, той, когда существовала ощутимая разница культурных потенциалов между политической элитой и людьми, получившими право голоса, когда партия одновременно играла роли более или менее закрытого клуба, просветительского общества, светской «церкви» и системы призыва политических резервистов. В мире же телевидения, мобильной связи, Интернета, секуляризации и почти всеобщей грамотности кризис переживают даже старые партии, которые за многие десятилетия своей истории «вросли» в политические системы своих стран, постепенно принимая на себя выполнение все новых и новых, не всегда бросающихся

в глаза функций. Соответственно, для создания работоспособной партийной системы сегодня нужны существенные стимулы и достаточно благоприятные условия. В той или иной степени они существовали в большинстве стран Восточной Европы, порвавших с «оккупационным» прошлым и стремившихся к «воссоединению» с Западом после четырех (не семи, как Россия) десятилетий жизни при коммунистическом режиме. Существование таких стимулов и условий в сегодняшней России – открытый вопрос.

Во-вторых, в эти годы одна из основных функций политических партий – политическое лоббирование определенных интересов – выполнялась главным образом другими институтами и с помощью других систем отношений. Преимущественно, так сказать, на партикуляристской, а не на универсалистской основе – даже в представительных органах, не говоря о бюрократии. Достаточно вспомнить дискуссии о «невидимых» фракциях, создаваемых в их стенах группами экономических и административных интересов.

В-третьих, возможности сделать головокружительную карьеру, которые открылись в России полтора десятилетия назад, были связаны, прежде всего, с бизнесом и бюрократией. Разочаровывающе медленная или обманчиво быстрая карьера партийного деятеля обычно проигрывала на этом фоне в привлекательности.

Почему Россия не Восточная Европа. На все это можно было бы возразить, что в некоторых странах Восточной Европы, порвавших с коммунистическим прошлым, все же сложились более или менее устойчивые партийные системы. Их опыт отличают, однако, от российского как минимум четыре обстоятельства.

1. Некоторое значение, становящееся иногда решающим, имеет срок существования тоталитарного режима. В этих странах сохранилась живая память о прежних партиях, в некоторых случаях их история продолжалась в изгнании. В ряде «социалистических» стран сохранялась формальная многопартийность. Хотя на практике, конечно, «другие» партии оставались под полным контролем правящей номенклатуры, а их руководители составляли ее неотъемлемую часть, фасадная многопартийность имела некоторое символическое значение. Подобно этому, в СССР практика даже однопартийных выборов сыграла в определенном смысле положительную роль, заранее создав привычные институциональные формы перехода к выборам реальным. Такой переход произошел, вероятно, организованнее и безболезненнее, чем если бы при коммунистах в стране вообще не проводилось формально всеобщих выборов.
2. Немаловажно и происхождение режимов. В странах Восточной Европы и Балтии в период кризиса «социалистического содружества» безусловно возобладала их трактовка как оккупационных, а победоносных антикоммунистических движений – как национально-

освободительных и благословляемых церквями. Соответственно, после некоторых колебаний все основные политические силы пришли к консенсусу: цель движения – от коммунизма, от России в Европу и на Запад (прежде всего – в ЕС и в НАТО). Политическое значение приобрели оттенки, вопросы не о целях, а о темпах и характере движения. Но именно такая дифференциация – основа «векторной», собственно партийной полемики в точном смысле слова. В это же время в России вопрос о характере отечественного коммунизма повис в воздухе или стал предметом интеллектуальных злоупотреблений со стороны маргинальных крайне правых сил, цель движения («национальная идея») так и не была сформулирована, а общественная полемика велась «скалярно», так сказать, по всем азимутам, то есть вместо инструментальной и объективно творческой позиционной политической борьбы российское политическое сообщество втянулось в бесформенную и стратегически малосодержательную склоку «всех со всеми обо всем» с переходом на личности – и далеко не всегда только политические.

3. Все страны Восточной Европы заметно меньше России, что не так малозначительно в данном случае, как может показаться на первый взгляд. Не будем забывать: в конечном счете, и России, и этим странам *удалось* создать сравнительно устойчивые системы парламентских фракций, сама возможность возникновения которых появляется в связи с проведением серии относительно свободных и честных выборов, а форма определяется характером избирательной системы, если ей дают возможность действовать достаточно долго, хотя бы три-четыре раза подряд. В небольшой, компактной стране, между тем, расстояние между фракциями и стихией гражданского общества меньше, чем в крупной, где большие расстояния и много жизненных укладов. Легче и естественнее устанавливаются и крепнут здесь и постоянные связи между первыми и второй.
4. Определенное значение имеет экономическое положение, которое существенно лучше как раз в тех странах, где уже возникли устойчивые структуры гражданского общества и партийные системы, чем в России и в других странах, где их пока нет. Пока это очевидная корреляция, а не признание причинно-следственной связи, но, возможно, и смысл ее не так уж темен. На рубеже 1980— 1990-х гг., в то же время, когда формировалось массовое демократическое движение, в России, как и всюду в Восточной Европе, начали активно действовать и организации гражданского общества. Особенно заметной и, по-своему, результативной была деятельность экологического движения и некоторых других. Сегодня в России существуют *сотни тысяч(!)* самых разных общественных организаций, и примерно столько же действует без регистрации. Однако при внимательном взгляде на них обнаруживается,

р, что действительно жизнеспособными оказываются лишь три категории ассоциаций – креатуры администрации или крупного бизнеса, организации, финансируемые или подкармливаемые из-за рубежа, и организации, членов которых соединяет *общая, но не всеобщая* беда. Это организации вполне понятного и оправданного «коллективного эгоизма» тех, кому просто трудно выжить в одиночку: инвалидов, ветеранов разных войн, солдатских матерей, жертв катастроф. Именно такие организации сегодня – самые массовые и самые активные, а не «альтруистические»: природоохранные, историко-культурные или благотворительные. Люди, ведущие каждодневную борьбу за выживание, сегодня просто не могут позволить себе роскошь постоянного коллективного альтруизма. В 1980-1990-х гг. Россия доказала как то, что институты гражданского общества вовсе не противопоказаны ей, так и то, что гармонично развиваться они (и, опосредованно, политические партии) могут лишь при относительно благоприятном экономическом климате. Экономический мороз убивает ростки здорового гражданского общества и мешает расцвести ста цветам политической самостоятельности.

Приведенный набор гипотез может вызвать в памяти притчу о пушках, которые не стреляли по ряду причин, среди которых – отсутствие пороха, и показаться избыточным. Однако сегодня действительно трудно сказать, какая именно из этих причин или какой их набор исчерпывающе объясняет неразвитость партийной системы в России, притом, что среди них нет ни одной, которая исключала бы другие.

Выборы без правил. Существует и еще одно обстоятельство, как минимум, не способствовавшее становлению работоспособной партийной системы в России. Этому препятствовали не только отсутствие длительного непрерывного опыта партийного строительства, но и постоянные эксперименты с системой избирательной. После избрания IV Государственной Думы в октябре 1912 года по системе курий, вплоть до выборов в Государственную Думу РФ второго созыва в декабре 1995 г., у нас в стране по сути не было нормальных, рутинных парламентских выборов. Достаточно демократические выборы в Учредительное собрание в 1917 г. не были, строго говоря, парламентскими и, во всяком случае, не были рутинными. О советском периоде вообще бессмысленно рассуждать в данном контексте. Что касается выборов в общенациональные представительные органы в 1989— 1995 г., то все они были по-своему экспериментальными – в гораздо большей степени, чем пристало быть обычному, рутинному народному волеизъявлению подобного типа и уровня. Голосование в стране в эти годы было больше, чем голосование. Всякий раз оно не столько наполняло представительную систему «человеческим материалом», что, собственно, от него и требуется, сколько формировало и реформировало

её, подчас вопреки яростному сопротивлению того же «материала».

В конце 80-х гг. в СССР всерьез обсуждали – и даже кое-где попробовали в деле – такую систему многомандатных округов, при которой число избранных депутатов немного превышало количество выдвинутых кандидатур. Всех кандидатов, конечно, отбирали и утверждали в таинственном и анонимном мире, лишь краешком соприкасавшемся с миром все более многолюдных митингов и все менее послушной прессы. Избиратель, собственно, должен был не выбирать, а убирать из списка хороших кандидатов, оставляя лучших. Ему позволили слегка корректировать этот список, как бы не заметив, что в закрытом обществе последняя правка бумаг, «подработанных» чиновниками, – главная привилегия и суверенное право настоящей власти. Именно реальная, пусть маленькая, правка, а не обязанность шлепать печать, что, собственно, входит в конторе в обязанности секретаря, а в государстве с ритуальными выборами – принудительно голосующего народа. Полузабытые эксперименты в отдельных округах на промежуточных выборах ещё в «черненковские» советы – в развитие решений XIX конференции КПСС – и стали точкой отсчета необратимого процесса. Последующие выборы представляли собой причудливую смесь собственно выборов и своего рода референдумов. Они к тому же еще то накладывались на действительные общенациональные референдумы, то перемежались ими, что лишь усиливало общий плебисцитарный дух эпохи.

Голосуя за конкретных кандидатов, избиратели в то же время каждый раз, как правило, выбирали «систему». Выбирали, правда, как бы по принципу ограниченной – в том или ином смысле – ответственности. Выборы 1989 года проходили под покровительством еще всесильного ЦК КПСС, 1990-го – были республиканскими и местными, а не общенациональными. Лишь распад Союза задним числом превратил их в таковые. То же можно сказать и о президентских выборах в РСФСР в июне 1991 г. Парламент РСФСР первоначально обладал, по сути, полномочиями регионального представительного собрания в стране с псевдофедеративным устройством, а у президента России в составе СССР не было и быть не могло не только «ядерного чемоданчика», но и многих более конвенциональных атрибутов государственности.

Лишь когда летом 1995 г. было, наконец, объявлено, что очередные выборы в Государственную Думу состоятся в срок, предполагаемый Конституцией, а затем был принят закон о выборах, в принципе воспроизводивший положения указа 1993 г., возникла реальная перспектива нормализации и рутинизации нашей избирательной практики на более или менее твердой правовой основе.

Выборы по правилам. В 1995 г. вопрос о выборах в Государственную Думу приобрел достаточно острый характер. Именно тогда

с новой силой вспыхнула дискуссия по поводу избирательной системы, которая велась, то затухая, то возобновляясь, по крайней мере с 1988 г. На этот раз, однако, дискуссия приняла более организованный, чем раньше, характер: за ней стояли оформившиеся интересы, группы, знавшие, чего они хотят или думавшие, что знают, а не частные, хотя иногда и более перспективные с точки зрения страны в целом, мнения.

Тем не менее и этот круг обсуждения продемонстрировал некоторую, мягко говоря, облегченность подхода к выбору избирательной системы, не обязательно связанную с преобладанием какого-то эгоистического интереса. Надо признать, что на всем протяжении дискуссии о способе голосования, которая велась в 1988-1995 гг., большинство ее участников демонстрировало знание довольно ограниченного круга систем, в основном – принятых в трех-четыре ведущих странах Запада. Так, например, вопрос о выборе между «пропорциональной» и «мажоритарной» системой приобрел избыточно идеологический характер, при том, что для специалистов никогда не существовало *«вообще мажоритарных»* и *«вообще пропорциональных»* систем: первые и вторые выступают в конкретной форме, в целом же их совокупность представляет собой некий континуум. Начавшись как многосторонний – «все против всех» – конфликт по поводу избирательной системы, дискуссия довольно скоро подчинилась логике погони за уходящим временем. Спешить заставляли приближающиеся официальные сроки регистрации избирательных объединений и кандидатов. Им важно как можно раньше получить «на руки» те правила, по которым они должны были вести борьбу в декабре. То, на какое количество мандатов сможет претендовать партия, зависело от соотношения мест, распределяемых по округам и по партийным спискам. Чем ближе выборы, тем для депутатов, избранных от округов, было важнее, чтобы границы этих округов оставались неизменными: привычная среда, сложившиеся связи, в принципе, давали им стартовое преимущество перед новичками. Но еще важнее для всех депутатов была гарантия законности границ округов. Они даже прервали свои каникулы, чтобы принять на первый взгляд второстепенный закон об этих границах. Существовали и другие обстоятельства, в том числе идеологического порядка, но именно эти можно признать решающими для объяснения той позиции, которую заняло большинство Государственной Думы по вопросу об избирательной системе.

Соотношение 1:1 между депутатами, избираемыми по пропорциональной и мажоритарной системам, воспроизводило норму Положения о выборах, на основании которого была избрана Дума-93, и выражало внутридумский компромисс между большинством «одномандатников» и основной частью руководителей партийных фракций. Компромисс тем более прочный, что депутаты от округов в основном рассредоточились к этому времени по фракциям, а законопроект предусматривал возможность двойного выдвижения кандидата: и

по списку, и в округе. Тогдашнее упорство думцев в отстаивании системы, вызывавшей резкую и, в общем, справедливую критику со стороны экспертов, заслуживало лучшего применения, но в общем, понять его было можно: своя рубашка ближе к телу, особенно накануне выборов.

В свою очередь, большинство Совета Федерации, в котором заседали региональные «нотабли», было естественным образом заинтересовано в усилении местного влияния в Думе. Голосование по списку давало преимущество московским политикам и столичным «диванным» партиям: понятно, что те, кого иногда называют сенаторами, хотели бы увеличения доли избранников от округов до 2/3 или даже введения полностью мажоритарной системы. Иными словами, в данном случае столкнулись, помимо прочего, жизненные, хотя и немного разнопорядковые интересы двух палат, точнее – двух депутатских корпусов. Закончилось дело, в общем, компромиссом на основе думской (в версии 1995 г.) редакции, в основном воспроизводившей президентскую редакцию 1993 г., против которой на этот раз выступил сам Президент. История знает, впрочем, и куда более впечатляющие парадоксы. В подтексте компромисса лежало общее нежелание срывать выборы или хотя бы затруднять их проведение, а может быть даже понимание того, что общество, легитимность политического устройства которого держится исключительно на выборах, не может позволить себе слишком свободное обращение с ними. Если это было так, то это хорошо.

Впервые опробованный в России в 1993 г. и закрепленный законом в 1995 г. «германский» (по модели, принятой в ФРГ) принцип сочетания пропорциональной и мажоритарной систем («50/50») с введением нормы проходимости в своей основе сохранялся и в 1999, и в 2003 годах. Однако лишь в своей принципиальной основе. Внешне малозначительные изменения (модификации барьера проходимости, который составлял первоначально 5% и был жестким, затем стал плавающим и, наконец, достиг 7%; новые условия регистрации участников избирательного процесса; модификация соотношения между федеральной и региональными частями списков; установление минимально возможного числа «проходных» списков, независимо от преодоления ими барьера) не только влияли на конечный результат выборов, но и создавали общую атмосферу неуверенности, что неизбежно при постоянных изменениях правил игры. Таким образом, в России парламентские выборы, начиная с 1907 г., еще ни разу (коммунистический период не в счет) не проводились дважды подряд на основе в точности одной и той же системы, что мешало участникам вырабатывать долгосрочные электоральные стратегии. Казалось, в 1995 г. страна вступила в этом отношении на путь постепенного исправления.

Недостатки избирательной «системы-95» выявились немедленно, и самым шокирующим образом. В избранной в декабре 1995 г.

Государственной Думе оказалась не представленной почти половина избирателей (в 1993 г. – менее четверти). Со временем, однако, по мере привыкания и к новой системе, ее «настройки» (и «подстраивания» электоральных объединений под нее), доля непредставленных снижалась – до немногим более, чем треть в 1999 г. и до менее, чем трети в 2000 г. Постепенно вырабатывался и алгоритм «абсорбции» основной массы одномандатников партийными фракциями и группами. Как тенденция, сокращалось число «проходимцев» (объединений преодолевших барьер) и, соответственно, менялись электоральные экспектации – своего рода политические «фьючерсы». К изначальным достоинствам системы следует отнести то, что она была в итоге принята консенсусом, пусть невольным и не вполне последовательным, если вспомнить почти забытые сейчас попытки даже в самый последний момент перед выборами внести в закон поправки. Неплохо и то, что сами по себе модификации «системы-95», какими бы важными по своим последствиям для обеспечения справедливого представительства они ни были, не воспринимались общественным мнением в качестве принципиальных, и новации не вызывали вопросов и протестов у рядового гражданина, приходящего на избирательный участок. Это притом, что и до, и после 1995 г. примерно две трети граждан, если судить по данным опросов, в принципе предпочитали мажоритарную систему пропорциональной! Это, кстати, свидетельствует о том, что *избиратель ценит возможность голосовать не столько за конкретного, лично узнаваемого, сколько за своего кандидата, представляющего свою местность*. Конечно, плохо, что большинство общества оставалось в пассивной полуопозиции к избранной системе. Но еще хуже, что даже очень специальные вопросы избирательного законодательства решались в первой половине 1990-х гг. ad hoc (наиболее адекватный перевод в данном случае – «на авось»), в жесткой борьбе прагматических – и при этом, не всегда хорошо продуманных – интересов, почти без влияния академического и других не заинтересованных непосредственно сообществ, без учета современных представлений о сути проблемы. Впрочем, в тот период своего рода «военно-полевой» порядок их обсуждения хотя бы отчасти диктовался обстановкой. При этом в стране не существовало эффективно организованного независимого общественного мнения, и соответственно – механизма систематического влияния этих сообществ на политику.

Сегодня профессионалы в целом лучше, чем почти десятилетие тому назад, подготовлены к обсуждению вопроса об избирательном законодательстве. И хотя состояние независимого общественного мнения по-прежнему оставляет желать лучшего, их впервые пригласили к широкой общественной дискуссии на эту тему – по крайней мере, на первом этапе. Это определенный прогресс, о чем вряд ли стоит забывать, критикуя предложенную концепцию по существу. Наличие такого прогресса, однако, само по себе отнюдь не гарантирует учета

всех или, по крайней мере, всех принципиально важных, а не только значимых технических, аргументов в пользу того или иного выбора системы голосования. Между тем, важнейшими доводами могут оказаться как раз те, которые относятся не к *тексту* избирательного закона, а к возможности широкому *контексту* его принятия и бытования. В определенных случаях решающими могут – и должны! – оказываться аргументы не столько политических технологов (ангажированных заинтересованной властью или независимых), сколько политических философов, историков, политологов-компаративистов.

Выбирая оптимальную (с разных точек зрения и неизбежно в разном понимании) систему, необходимо помнить, что в основе «системы-95», при всех ее действительных или/и мнимых недостатках, лежал именно глубинный политический компромисс, а не просто более или менее ловкое техническое решение или мало к чему обязывающая тактическая сделка. Это был один из первых и немногих компромиссов в стране, мягко говоря, не очень привычной к компромиссам подобного рода. При этом компромисс настолько успешный, насколько он вообще возможен в реальной жизни. Во всяком случае, на его результаты невозможно, не кривя душой, прямо и убедительно списать ни один из действительно опасных кризисов политической системы после 1995 года. Уже в силу этого факта обстоятельства принятия «системы-95» (неотделимые от ее содержания) могли бы использоваться в качестве элемента конструктивного «демократического мифа» в российском варианте, способного стать стержнем политической культуры нашей демократии. У каждой демократии – своя биография, своя органика роста, и в этом смысле история «системы-95» ничем не лучше и не хуже ставших хрестоматийными историй с важнейшими поправками к американской конституции. За каждой из них – свой шлейф политических конфликтов и свой катарсис победы над неблагоприятными обстоятельствами и над собой, о которых из года в год, из десятилетия в десятилетие в торжественном тоне повествуют американским школьникам. «Система-95» – уже история, чтобы иметь право претендовать на роль одного из сюжетов такого мифа. Но история еще слишком недавняя, чтобы можно было безболезненно сохранять дух мифа, отказавшись, в силу явной «архаичности», от его конкретного содержания (по принципу: «из памяти изгрызли годы, кто и за что в Хотине пал, но первый звук Хотинской оды нам первым криком жизни стал...» и т. д.). Для того, чтобы не вступать в разрушительный резонанс с идеей демократического мифа, избирательная система нуждается в трех вещах: неизменности – в главном – в течение достаточно длительного времени; внятного объяснения преимуществ; аккуратной коррекции недостатков.

Императивы и нормативы. Можно сформулировать несколько общих принципов, которые, как представляется, помогают определить

отношение к действующему избирательному законодательству и возможностям его изменения.

Первый: признание какой-то системы несовершенной – не аргумент в пользу ее изменения. Идеальной избирательной системы в природе не существует. Всякая система обладает своими конкретными недостатками и достоинствами, причем, в зависимости от ситуации, достоинства и недостатки могут меняться местами, а последние иногда могут корректироваться и хотя бы отчасти компенсироваться без изменения концептуальных основ системы.

Второй: одна и та же система может действовать очень по-разному в разных политических культурах и в разных ситуациях. Нет такой последовательности событий, которые с логической неизбежностью наступали бы в результате применения той или иной системы независимо от времени и места действия. Но верно и обратное: к сходным результатам в одной и той же стране может приводить действие совершенно разных избирательных систем, воспринимаемых иногда даже в качестве альтернативных и взаимоисключающих. Бывают ситуации, когда политический итог выборов вообще не зависит существенным образом от избирательной системы.

Третий принцип: при прочих равных без крайней необходимости лучше не менять существующую систему, потому что инерция сама по себе является положительным фактором, хотя, в случае крайней и явной необходимости, именно радикальная смена избирательной системы может оказаться полезной для успокоения общества.

Существует несколько неперменных условий, которым избирательная система должна удовлетворять a priori:

1. Независимо от всех прочих требований, она должна быть достаточно простой и убедительной. Настолько, чтобы в ее пользу нетрудно было привести развернутую систему аргументов. При этом конечно можно не сомневаться, что у ее противников всегда найдутся аргументы в пользу других систем.
2. Система должна создавать уверенность, что ее действие можно в любой момент проверить, особенно при подсчете голосов, то есть она должна быть достаточно «прозрачной». Есть неплохие, очень «справедливые», то есть почти идеальные, с точки зрения математика, системы (например – STV), у которых лишь один недостаток – они чрезмерно сложны в обиходе и при недостаточном доверии к власти могут породить опасные сомнения в чистоте выборов даже, что называется, на пустом месте.
3. Система не должна создавать заведомо критических ситуаций в обычных, повседневных режимах работы. Ни одну систему нельзя проверить во всех режимах заранее. Нет системы, в которую был бы встроен механизм саморегуляции: как всякий закон, принимаемый в борьбе, происходящей на глазах у общества, избирательное законодательство – довольно жесткая конструкция.

Resum novarum. С учетом всего сказанного можно высказать несколько соображений по поводу очередной дискуссии о возможности нового изменения избирательной системы в пользу стопроцентно пропорциональной – более рафинированной и более персонализированной с точки зрения предлагаемого избирателю «меню», чем пропорциональная составляющая пока что действующей системы:

- Практические сиюминутные интересы власти и общие долгосрочные интересы сторонников оптимизации демократического процесса в вопросе об избирательном законодательстве, как и в других, не обязательно совпадают, но и не обязательно исключают друг друга. Любой серьезный участник дискуссии должен, во всяком случае, ясно понимать, *какие интересы он в данном случае стремится выразить, и как они соотносятся с интересами иного порядка.* Понимать, прежде всего, для своего же блага, как политического технолога и как гражданина.
- За три с половиной года до новых выборов, если они будут очередными, *едва ли можно с уверенностью предсказать эффект воздействия той или иной системы с точки зрения интересов власти.* В зависимости от общей обстановки в стране, от «показателей» верховной власти и ныне поддерживаемых ею партий, правительства и т. д., эффект применения и мажоритарно-пропорциональной, и пропорциональной, и любой другой мыслимой системы может оказаться как продуктивным, так и контрпродуктивным. При желании не так уж сложно разработать вполне реалистические взаимоисключающие – на данный момент – сценарии их воплощения. Полтора века назад умнейший А. де Токвиль лихорадочно и безуспешно пытался в последний момент добиться пересмотра положения конституции, автором которого за три года до этого стал он сам. Его пример – другим наука. Смены избирательной системы сулит федеральной власти три основных выигрыша. Это дальнейшее усиление контроля над отбором кандидатов от партии власти, усиление контроля над законодательным процессом и, как обратная сторона первых двух преимуществ, ограничение возможности региональных властей и других лоббистов влиять на избирательный и законодательный процессы. Все прочие преимущества, о которых иногда говорят, не выглядят убедительными, по крайней мере, в качестве преимуществ именно для власти. Следует иметь в виду, однако, что и эти выигрыши, небесспорные сами по себе (такой ли уж дисциплинированной окажется подавляюще доминирующая фракция власти, и не превратится ли она сама в рыхлую коалицию и т. д.?) являются таковыми только в случае бесспорного успеха на выборах. Сам же такой успех небесспорен, если популярность кандидата партии власти на подходе к президентским выборам 2008 г. не станет ее «локомотивом» на думских выборах 2007 г. Конструируемая полномасштабная победа может

обернуться для партии власти неожиданным или с какого-то момента ожидаемо неотвратимым парламентским «оверкилем», неизбежно бросающим тень на перспективу президентских выборов.

Предлагаемая новация не выдерживает сколько-либо придирчивой критики и *с точки зрения общих, абстрактных интересов* оптимизации демократического процесса. Во-первых, искомую персонализацию выборов выдвинутая концепция трактует не в желательном для подавляющего большинства избирателей смысле поиска возможности выбора *своего кандидата*, а в смысле предоставления им шанса проголосовать за *конкретных кандидатов* в списке, что далеко не то же самое. Во-вторых, если выбор 225 депутатов по «жесткой» пропорциональной системе, честно подыгрывающей партиям, до сих пор нимало не способствовал становлению работоспособной партийной системы, то кто и как докажет, что лучшего результата помогло бы добиться избрание 450 по системе «рыхлой», объявленная цель которой, в частности – усиление персонального фактора?! Если уж быть крайним энтузиастом абстрактного подхода, то в свое время относительно лучшей с обеих точек зрения могла бы, вероятно, стать принятая в 1990 г. и однократно использованная *мажоритарная система с голосованием в два тура*. Со временем она побуждала бы партии (побудила бы или нет – другой вопрос) идти в округа, не оставляя им возможности вальяжно распоряжаться всем из Москвы. В то же время, она не искореняла бы естественный *партийный* плюрализм в зародыше, как это теоретически делает, например, мажоритарная система с голосованием в один тур, в одном контексте работающая на двухпартийную систему, в другом – на персонализированную беспартийную. Однако – что сделано, то сделано, как говорят в одном тридцатом государстве в утешение, когда убивают заложника не из той страны, из какой хотели. Сегодня, когда в регионах, на местах и в центре вполне сформировались, мягко говоря, непартийные группы влияния, возвращение к этой системе, скорее всего, обернется такими реальными неприятностями, которые с лихвой компенсируют ее принципиальные преимущества.

С точки зрения минималистского принципа «не навреди» (притом, что реализация других идей не выглядит однозначно полезной и безопасной) *лучшим выходом могло бы стать сохранение нынешней смешанной системы при снижении избирательной планки хотя бы до прежних 5% и внесении некоторых других технических улучшений, но в пределах пропорциональной «половины»*. Такое решение создало бы прецедент неизменности правил игры: опыт одинаково важный и для политики, и для экономики. Оно могло бы, с одной стороны, остаться практически незаметным для избирателей, смирившихся с действующей системой, а с другой

хотя бы отчасти утолить жажду перемен у тех, для кого они имеют самостоятельную ценность. Подобный результат может показаться скромным, если твердо верить в то, что избирательная система способна творить чудеса сама по себе. Она, однако, может изменить только то, что может – не больше, и не меньше. Впрочем, и упорство в отстаивании новаций может оказаться полезным – при условии, что общество сумеет одержать убедительную победу над их сторонниками. В этом случае, вполне возможно, нынешняя система, которую, по большому счету, пока все еще только терпят, имеет реальный шанс превратиться в предмет гордости и яркий сюжет национального демократического мифа. Это, в общем, не так уж плохо с точки зрения абстрактных интересов демократии. Возникает только вопрос – а власти-то зачем это нужно?